

С. Н. А б а ш и н

ПОСТСОВЕТСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ, ТЕОРИЯ ЭТНОСА И КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ КРИТИКА

В современной историографии, посвященной среднеазиатскому национализму, противостоят друг другу две концепции, по-разному отвечающие на вопрос, что такое “нация”. Одна из них – так называемая “советская теория этноса”. Суть ее, немного огрубляя для краткости, заключается в том, что нация объявляется высшим этапом развития “этноса” (или “этнической общности”), который на протяжении столетий или даже тысячелетий проходит несколько этапов развития – от племени к народности и далее к самой нации. Признаки этноса – общая культура, один язык, одна территория проживания, общая психология, внутренняя эндогамия, этническое самосознание – поддерживают его внутреннее единство и передаются из поколения в поколение, обеспечивая этническую, а затем и национальную преемственность.

Считается, и небезосновательно, что нынешние политические лидеры и ученые Средней Азии, воспитанные в советской традиции, охотно используют логику и терминологию “теории этноса” для создания национальной идеологии и строительства современных национальных государств. Данная теория обладает такими объяснительными моделями, с помощью которых, как пишет Г. Смит, можно: 1) “примордиализировать” и “эссенциализировать” нацию, т.е. описывать этнические идентичности как линейные, постоянные и однообразные; 2) “историзировать” нацию, т.е. удревять ее, находить в ней “золотой век” и “национальных героев”; 3) “тотализировать” нацию, т.е. нивелировать всякие индивидуальные отличия и особенности, описывая человека как “коллективную личность” с коллективной памятью, коллективной родиной и т.д.¹ Все эти возможности позволяют власти добиваться сразу несколько целей – поддерживать лояльность граждан к национальному государству, символически укреплять границы своего национального пространства и т.д.

Явная или предполагаемая политическая ангажированность “теории этноса” вызывает критику в современной западной и российской этнологии². Главный тезис этой критики – среднеазиатские нации (и национальные республики) были не результатом длительного развития (этногенеза), а искусственно созданы советской властью при участии местной элиты. Эта точка зрения получила название “конструктивистской концепции”.

В вышедшем в 2002 г. в Ташкенте “Этническом атласе Узбекистана” концепцию “сконструированной узбекской нации” изложил А. Ильхамов в статье “Археология узбекской идентичности”. Он попытался, по его словам, “преодолеть сложившуюся в советский период точку зрения на процесс формирования этносов и наций как естественно-исторический, объективный по своей природе и аналогичный процессу формирования видов в живой природе”, взамен предлагая точку зрения, согласно которой “формирование узбекской национальной идентичности представляется результатом сознательного конструирования со стороны элит, преследовавших свои интересы и культурно-политические цели”³.

Удалась ли А. Ильхамову эта попытка? В целом, на мой взгляд, удалась, но не без некоторых внутренних противоречий, о чем я скажу подробнее.

Сам “Этнический атлас” изобилует статьями о народах, написанными вполне в духе “теории этноса”. Это признает и сам А. Ильхамов, который в качестве редактора всего издания пишет, что конструктивистский взгляд был “реализован” “только по отношению к феномену узбекской идентичности”, а следовало бы «подвергнуть фундаментальной ревизии “этногенез” всех остальных наций и народностей»⁴. Но и в статье об узбекской идентичности можно встретить, например, утверждение о том, что современные

узбеки являются потомками “как минимум” трех “этнических общностей” (даштикипчакских кочевых узбеков, “примкнувших к ним” местных тюркских племен и родов, сартов)⁵. Данный тезис находится полностью в рамках сложившейся советской традиции⁶. По сути дела, А. Ильхамов невольно втягивается в совершенно бесплодную дискуссию о том, что такое “этническая общность” (синоним “этноса”!), можно ли называть все названные общности “этническими”, сколько таких общностей должно быть – три или, может быть, две или пять. Даже самый выгодный для конструктивистской критики “теории этноса” раздел о сартах и смене в 1917–1926 гг. имени “сарт” на “узбеки” автор начинает вполне “примордиалистским” определением, кто такие сарты – “оседлое тюркоязычное население, осевшее и потерявшее свою родоплеменную принадлежность, а также тюркизированные таджики”⁷. Возникает, например, вопрос: почему “тюркизированные таджики” поставлены на второе место после “осевших” тюрков? Найдется, я думаю, много специалистов по “этногенезу”, которые оспорят такую очередность. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что подобного рода утверждения появляются в статье эпизодически и не составляют главного ее содержания⁸.

Обращает на себя внимание также тот факт, что конструктивистская критика в статье “Археология узбекской идентичности” отклоняется порой от анализа непосредственно процесса создания узбекской нации и факторов, которые на этот процесс воздействовали, подменяясь упреками в адрес советских востоковедов и этнографов, скорее в духе прежней советологии, нежели конструктивизма. Отличить одно от другого бывает сложно. Советологи давно говорили о том, что среднеазиатские нации – продукт “большевистского” эксперимента, предпринятого с целью раздробить местное мусульманское общество на отдельные этнические группы, которые бы противостояли друг другу и были легкой “добычей” для имперской политики⁹. Отличие этой точки зрения от собственно конструктивизма, как особой научной методологии, заключается именно в том, что процесс конструирования наций советологами рассматривается исключительно как целенаправленная деятельность узкого круга элит, “воображающих” и “изобретающих” сообщества. При этом советологи объявляли деятельность политиков и ученых “неправильной” или “зловредной”.

Конструктивизм, на мой взгляд, не должен злоупотреблять “разоблачительной” риторикой, пусть даже она отчасти будет справедливой. Тот же французский философ М. Фуко, у которого А. Ильхамов заимствовал понятие “археология” для названия своей статьи, не сводил проблему “власти и знания” к обслуживанию “продажной” наукой “корыстных” политиков. Заслуга Фуко, на мой взгляд, в том, что он показал: власть не является лишь “функцией” каких-то “органов”, “отношения власти проникают в самую толщу общества; они не локализуются в отношениях между государством и гражданами или на границе между классами”¹⁰. Фуко, в частности, анализировал понятие “дисциплина” как вид власти, в которой “власть функционирует автоматически”, когда человек “впитывает отношение власти”, “становится началом собственного подчинения”¹¹. Соответственно, если следовать Фуко, цель конструктивистской (“постструктуралистской”) концепции не в том, чтобы доказать “воображаемый” характер нации в таком смысле, что ее имя, границы, символы (“профиль”, по выражению Ильхамова) изобретены недавно. Это как раз сделать очень несложно. Цель заключается в том, чтобы объяснить, как и почему человек или общество принимает это имя, эти границы и эти символы, как и почему человек или общество подчиняется им – *и подчиняется ли?*

Конечно, отмеченный мною недостаток – это не вина и не умысел автора статьи “Археология узбекской идентичности”, а скорее слабость самой конструктивистской концепции. Неслучайно, в последнее время уже появились работы с постструктивистской критикой конструктивизма. В них непоследовательность и противоречивость последнего рассматриваются не в качестве досадного недоразумения, а как заложенные внутри самой концепции ошибки. В борьбе разных идеологий кон-

структивизм не является абсолютно нейтральной точкой зрения и сам встраивается в политическую практику, в том числе благодаря своей некоторой двусмысленности.

Сошлюсь, в частности, на статью «За пределами “идентичности”», авторы которой – Р. Брубейкер и Ф. Купер – пишут: “мы продолжаем встречать неудобоваримую смесь конструктивистской терминологии и эссенциалистской аргументации. И это не вопрос интеллектуальной небрежности. Скорее, это отражает двойственную ориентацию многих специалистов по идентичности как аналитиков и как протагонистов политики идентичности”¹². Эти два исследователя делают парадоксальный, на первый взгляд, вывод о том, что «конструктивистская терминология стремится объективизировать “идентичность”, рассматривать ее как часть материальной реальности, хотя и изменяемой, которой “обладают” и которую “куют” и “конструируют”»¹³. Такого рода конструктивизм не только не отрицает, но даже чаще всего настаивает на том, что в результате усилий элиты или ученых нация (или “этнос”) может стать реальностью. Но сконструированная нация обладает тем же свойством, которое есть у “этноса” в интерпретации примордиалистов, – она начинает подчинять себе сознание и поведение человека. Неслучайно, наиболее “продвинутые” сторонники “теории этноса” охотно используют конструктивистскую лексику, утверждая, что если люди ведут себя так, словно нация (или “этнос”) существует, то большой разницы между конструктивистами и примордиалистами нет.

И здесь я перехожу к еще одному тезису из статьи “Археология узбекской идентичности”. А. Ильхамов, на мой взгляд, не ставит перед собой однозначно задачу “деконструировать” узбекскую нацию, представить ее в виде фикции (как это было воспринято многими узбекскими, и не только узбекскими, учеными и, видимо, узбекскими политиками). Автор попытался найти в конструктивизме – более популярной и современной, чем “теория этноса”, концепции – элементы, с помощью которых можно было бы выстраивать легитимность узбекской нации каким-то другим способом, не используя при этом аргументы советской идеологии. А. Ильхамов задается вопросом: должно ли “формирующееся национальное государство” оставаться “этноцентристским, как было задумано в 1924 г.” или его следует “преобразовывать в то, что характеризуется понятием nation-state (государство-нация)”¹⁴. При этом он тут же с явным сожалением оговаривается, что второй вариант “маловероятен”.

Другими словами, А. Ильхамов стремится построить конструктивистскую критику “теории этноса” в новое прочтение идеологии “национальной независимости”. И у этого нового прочтения есть, с позиций узбекского национализма, свои безусловные плюсы, на которые автор пытается указать. Отказ от этнической истории и символики позволяет, сохраняя единство нации, более безболезненно интегрировать многочисленные локальные “культурные меньшинства” (по советской терминологии “этнографические группы”), принадлежность которых к “этническим узбекам” постоянно ставилась под сомнение. Конструктивистская критика окончательно порывает с советско-российской традицией описания “этногенеза” и позволяет убрать, наконец, то противоречие, которое имеется между антиколониальной риторикой идеологии “национальной независимости Узбекистана” и советско-имперскими по происхождению аргументами, используемыми в этой идеологии. Кроме того, такая критика лучше совпадает с желанием опереться на исторические традиции, в частности, на идеи джадидов, которые до 1917 г. вовсе не имели ярко выраженного “узбекского самосознания”¹⁵.

При всей важности и, наверное, справедливости рассуждений А. Ильхамова об этнонационализме, можно ли считать его позицию в данном вопросе последовательно конструктивистской, как это было самим автором заявлено? На этот счет у меня есть большие сомнения. Лучше “гражданская нация”, чем “этническая нация”, или хуже – вопрос в большей степени политический, нежели научный. “Гражданская нация”, как и “этнос”, – также “воображаемое сообщество”, в воображении которого используются эссенциалистские аргументы, т.е. отсылки к истории и культуре.

Каким образом можно противостоять попыткам превращать научные или политические конструкции в реальность, будто бы данную какими-то “объективными” условиями? Во-первых, “деконструкция” этносов и наций возможна только тогда, когда взамен не предлагаются – в качестве “настоящих” или чем-то “оправданных” – иные идентичности (национально-гражданская, имперская и т.д.), которые неизбежно обретают статус “естественных” и “укорененных” в логике исторического развития. Во-вторых, национальную и этническую идентичности необходимо рассматривать как несостоявшиеся идентичности, которые постоянно находятся в процессе конструирования и переосмысления, а значит, всегда являются “сферой”, где сталкиваются интересы и мнения (Брубейкер и Купер предлагают отказаться от термина “идентичность”, заменив его “идентификацией”). Иначе говоря, попытки сконструировать нацию (или этнос) всегда неудачны – и этот факт должен постоянно находиться в поле зрения исследователя.

Высказанные мною замечания в адрес “Этнического атласа Узбекистана” несколько не умаляют достоинств этого издания. В статье “Археология узбекской идентичности” впервые в узбекской историографии заявлено о новом взгляде на историю узбекской нации, поставлены многие вопросы, которые раньше находились на периферии научного анализа, и продемонстрирован тот современный язык и понятийный аппарат, с помощью которого можно заново создавать традицию обсуждения “национальной и этнической” темы. И все это дорогого стоит.

Примечания

¹ *Smith G.* Post-colonialism and borderland identities // *Nation-building in the Post-Soviet Borderlands / The Politics of National Identities* / Ed. G. Smith, V. Law, A. Wilson, A. Bohr, E. Allworth. Cambridge, 1998. P. 15–16.

² См., напр.: *Schoeberlein-Engel J.S.* Identity in Central Asia: Construction and Contention in the Conception of “Ozbek”, “Tajik”, “Muslim”, “Samarqandi” and Other Groups. Harvard University, 1994; *Roy O.* The New Central Asia: The Creation of Nations. L., 2000; *Abramson D.* Identity counts: the Soviet legacy and the census in Uzbekistan // *Census and Identity: The Politics of Race, Ethnicity, and Language in National Censuses* / Ed. D.I. Kertzer and D. Arel. Cambridge, 2001; *Абашинов С.Н.* Население Ферганской долины (к становлению этнографической номенклатуры в конце XIX – начале XX века) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М., 2004.

³ Этнический атлас Узбекистана. Ташкент, 2002. С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 270.

⁶ См.: *Вахабов М.* Формирование узбекской социалистической нации. Ташкент, 1961.

⁷ Этнический атлас Узбекистана. С. 270.

⁸ В статье, представленной в “Этнографическое обозрение”, А. Ильхамов заменил термин “этнические общности” термином “этнические компоненты”, уточнил, что число этих компонентов может быть разным, и убрал спорное определение сартов. Все это, безусловно, сделало позицию автора более гибкой, хотя, на мой взгляд, тот же термин “этнический компонент” оставляет возможность “примордиалистской” интерпретации.

⁹ К числу скорее советологических, нежели конструктивистских, работ относится и книга упомянутого выше О. Руа, и книга “Современные узбеки” Э. Олуорта (*Allworth E.A.* The Modern Uzbeks: From the Fourteenth Century to the Present. A Cultural History. Stanford, California, 1990), аргументы которого А. Ильхамов часто воспроизводит в своей статье.

¹⁰ *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 41.

¹¹ Там же. С. 297.

¹² *Брубейкер Р., Купер Ф.* За пределами “идентичности” // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 72.

¹³ Там же. С. 104.

¹⁴ Этнический атлас Узбекистана. С. 302.

¹⁵ См.: *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley; Los Angeles; London, 1998. P. 184–215.